

1892 г.

6 Января

Х. НОЧЬ В ЛЕСУ.

Охотясь, раз, в нашем лесу в числе 10 человек мы порядочно устали, но часть нашего общества решила ещё продолжать неоконченную охоту, а я с двумя знакомыми охотниками решил вернуться немедленно домой, тем более, что уже было четыре часа. Время подвигалось к обеду, а заставлять ждать себя нам весьма не хотелось; но вышло иначе, недаром говорит пословица: «человек предполагает, а Бог располагает».

Мы спросили у егеря, сопровождавшего одного из охотников, и который хорошо должен был бы знать местность, как нам ближе пройти домой, он ответил: «А вот идите по той речке, и выйдете прямо на луга, ну и там уж знаете дорогу».

Я ещё усумнился такому ответу. - Так ли, - говорю, - а разве не в противоположную сторону нам нужно идти?

- Нет, барин, я уж знаю, - авторитетным тоном подтвердил егеря.

Пришлось волей-неволей поверить. Я ещё подумал, что, если пойти в сторону противоположную, указанной егерем, то, пожалуй, заведёт товарищей в непроходимую глушь, так как речка тянется на очень большое пространство, а самый лес тянется, я думаю, вёрст на тридцать, из которых, я думаю, версты четыре нашего, а остальное казённый. Ну, вот при таких условиях пошли мы по указанной речке.

Шли гуськом по чуть заметной тропинке, проложенной неизвестной ногой на мягком глинистом грунте речного берега. Быстро, невидимо летело время, было уже половина шестого, мы уж давно должны бы были выйти на луга, но даже и признака их не было заметно. Речка раз пять разветвлялась так, что пришлось два раза перейти вброд небольшие, мелкие протоки, наполненные грязной, глинистой водой. Было уже и шесть, а лугов всё не видать. Мы начали беспокоиться, тем более, что так как дело было в канун Июля, то начиналось чувствоваться приближение сумерек, а речка всё журчит по-прежнему.

Так прошли мы два с половиною часа и решили, что заблудились. Присев на свалившемся дереве, начали советоваться, что делать. Решено было идти дальше, придерживаясь к речке, которая, по нашему рассуждению, должна была привести в одну деревню, отстоящую от нашего имения по прямой дороге вёрст девять.

Отдохнув, мы пошли дальше, а между тем, тёмные мрачные тучи, предвещавшие ночной дождик, надвигались, занимая мало-помалу всё небо, и увеличивали мрак наступавшей ночи. Уже с полчаса, как на верхушках вековых елей и берёз погас последний отблеск вечерней зари, в лесу воцарился мрак и спокойствие, только ночной ветер, временами, будто рассердясь, налетал на верхушки деревьев и шелестел в их густой, зелёной листве. Внизу мрачно и темно, часто вековые великаны, сломленные или старостью, или вихрем преграждали нам путь, и мы, чтобы не потерять из виду нашу, только изредка блестящую, когда волна набегала на камень, путеводительницу речку, принуждены были перелезть через эти природные преграды.

Вдруг громадный, обросший седым мхом (дедушка) камень, заслонил нам путь. Пришлось, держась за него руками, обходить его, а лес всё гуще и гуще. Вот какая-то большая птица вылетела из-под ног шедшего впереди и наполнила на мгновение тихо заснувший лес хлопаньем своих тяжёлых крыльев. Прямо перед нами, невысоко на дереве, вдруг вспыхнули блестящие зеленоватые точки глаз какого-то зверька. Шедший впереди прицелился между этих точек и выстрелил: глухо загудел перекатами вдруг проснувшийся сонный лес, будто сердясь на нас за нарушение сна, сотни разбуженных птиц встрепенились в густых ветвях осин и берёз, но через минуту всё снова замолкло, погружившись в глубокий сон, только накапывающий дождик слабо шелестел в листьях деревьев.

Пройдя шагов пятнадцать, мы нечаянно наткнулись на убитого приятелем зверька, который, как мы после увидели, был никто иной, как лесная куница, этот маленький кровожадный хищник. Вдруг вверху посветлело, блеснула звёздочка, за ней другая, третья, и больше и больше, дождик перестал, - это тучи, покрывавшие всё небо, прошли.

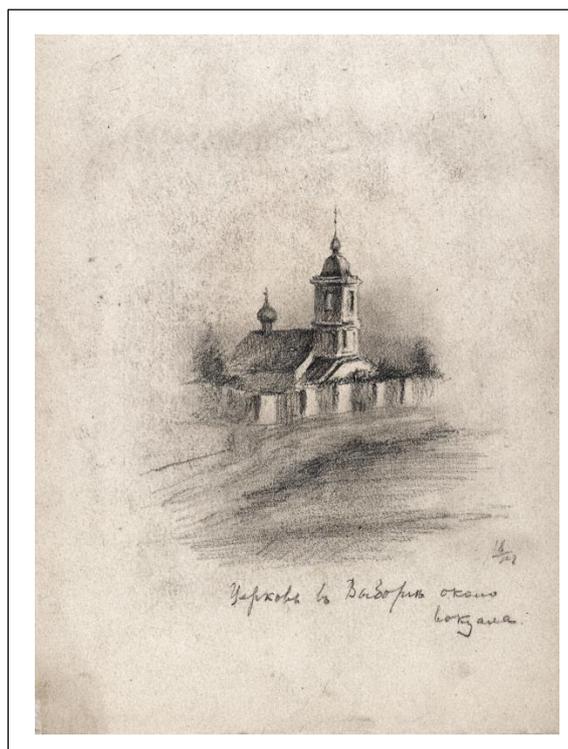
Идти стало немного светлее и удобнее, но усталые, отёкшие ноги, просто не слушались и плохо подвигали нас вперёд. Остановились отдохнуть, присели на деревья, посидели с полчаса и снова вперёд, всё прибавляя шагу, так как лес начал мало-помалу редеть.

А! Вот и покосы, вот стога душистого сена, недавно сметанные крестьянами. Один из знакомых, наиболее уставший, предложил нам выстрелом в упор зажечь стога, чтобы крестьяне пришли, чтобы тушить их, но я отверг это предложение, потому что, если деревня далеко, то они и не увидят, а мы напрасно истребим их труды.

Так прошли мы ещё с версту. Вдруг вдалеке брякнул <топот>, и ещё и ещё, значит, табун, тут лошадей пасут в ночном; и, оставив нашу путеводительницу речку, мы пошли, несмотря ни на какие преграды, прямо на звон.

С полверсты прошли мы, как вдруг увидели вдалеке светлую точку костра, разведённого ребятами, приехавшими пасти лошадей. Когда мы подошли к костру, то ребята, все сбившись от страха в кучу и прячась один за другого, упорно молчали на все наши вопросы и предложения. И правда, я вполне разделяю испуг деревенских ребят, причинённый появлением трёх вооружённых людей.

Наконец, я достал немного серебряной мелочи, предлагая её тому, кто согласится проводить нас в деревню. Деньги подействовали - все вдруг вскочили и начали предлагать свои услуги. Так мы прошли ещё версты две до деревни, которая оказалась та самая, к которой мы предполагали придти, идя по реке. Разбудив в деревне мужика, мы наняли телегу и в восемь часов утра благополучно достигли дома.

Николай. Рерих. Церковь в Выборге около вокзала. 1892.

7 января 1892 г.

МАЛЕНЬКАЯ ИСПОВЕДЬ

Ещё январь месяц, а день уже заметно прибавился. Уже пятый час дня, а фонари только кое-где мелькают. Солнце уже село. Небо тёмно-красное точно горит, даль каким-то туманом окутана, лениво поднимается из труб лиловый дым.

На крышах и карнизах домов тяжёлыми неуклюжими хлопьями повис снег. По набережной Невы идут два молодых человека, разговор ни на минуту не прерывается.

- Вот скоро весна подойдёт, - продолжает один начатый разговор, - тогда трудно будет усидеть в городе.

- Так ли уж скоро? - вздыхает другой. - Уже теперь, когда ещё зимы середина, скучно ждать становится. Только день прибавился немного, так и пахнуло чем-то весенним. Дела теперь, сам знаешь, по горло, казалось бы, некогда и мечтать, а выходит совсем другое. Сидишь иной раз вечером, - назавтра дела много, и ни с того ни с сего вспомнится весна, деревня. Вскочишь из-за стола, оглянешься, а кругом лишь четыре стены - гроб словно. А тут весенние картины рисуются, слышишь - птички поют. Или вспомнишь другой раз, как высоко в небе стая журавлей несётся, весело меж собой перекликаются; или гуси на перелёте. Свободой, границ не ведающей, веет от этих птиц, сколько радости в их полёте!

Или когда всё так бывает, и где-нибудь на гибкой веточке кувыркается синичка, вспомнишь, как чирикает она, казалось бы, однообразно, а ведь как гармонично выходит. А простенькую песенку зяблика узнаешь, так в душу, прямо в душу и западают эти звуки. Вот вспомнишь всё это, и защемит грудь -

просто плакать хочется. Нет, думаешь, надо заниматься – тогда забудешь про деревню. Глядишь на бумагу, а вместо букв видишь ясное чистое небо, видишь распускающиеся деревья, травку сквозь мох и некое пробивающуюся.

Широко кругом, поля ещё желтеют, только зеленеет озимь. Чудится, спускаешься с горы, в стороне деревушка сереет, по обеим сторонам дороги бесконечные поля, вон ольховые кустарники, за ними опять поля. Дорогу размыло, лошади скользят, тарантас кренится, но ничего этого не замечаешь, только вдаль глядишь – там впереди еловая роща виднеется, а из-за неё торчат белые башенки дома.

Сколько воспоминаний связано с этим домом, его помню с раннего детства. Не усидеть в тарантасе. Свежий ветерок приятно ласкает тебя, где-нибудь заливаются жаворонок, солнце ярко блестит. Широко кругом, вольно. А потом вспоминается жизнь в деревне, вольная беззаботная.

Оглянешься – точно от сна пробудишься, а кругом те же стены торчат, будто насмеются над тобой. Бросишь работу – уж не до неё. Мечешься как тигр в клетке, горло так и саднит. Хочешь молиться, а всё где-то звенит трель жаворонка. Какая тут молитва!

Портреты на стенах словно улыбаются: вот, мол, чудак, о чём задумался. Зло на них берёт, так и сорвал бы со стены, бросил. А то вспомнишь, что совсем недавно предпочёл день в городе провести, когда можно было в деревню податься – обидно как-то. К окну подойдёшь, смотришь, жизнь кипит вокруг, думаешь, как же эти люди живут себе, не мучит их мечта о природе? Да, впрочем, половина, да что половина – девяносто процентов этих людей, что толпами движутся по улицам, не видали, как следует, природы. Для них лес необъятный вполне заменяет жалкий скверик, где тоскливо торчит сотня-другая подрезанных, поруганных деревьев. Для них свежий весенний аромат заменяет скверный, дымный воздух какой-нибудь набережной, песенки зяблика или жаворонка им совсем и не надо.

Обидно становится, что пользуются люди общепринятыми, дозволенными цензурой удовольствиями и вполне счастливы, а тут уродишься таким уродом, что ищешь всё чего-то необыкновенного, конечно, в глазах обыкновенных обывателей, и не можешь даже сказать, в чём находишь высшее наслаждение. Всякий выслушивает и, поспешно отойдя, подумает: ну и чудак же, толкует про деревню, про природу, а что там хорошего – совсем неблагоустроено, никакого комфорта нет.

Однако до следующего раза, домой теперь пора. Но всё-таки, как бы то ни было, я не променяю на целый ряд всяких великосветских удовольствий и несколько часов в деревне или в лесу в ясный тёплый день.

- Конечно, ружьё с собой взять не забудешь? – возражает товарищ.

Можно и без ружья. Но о том, как я смотрю на охоту, рассказ за мной.

7 Января

Маленькая исповедь 1. 92.

18 января 1892 г.

**ВОЗРАЖЕНИЕ НА КНИЖКУ:
«НАШИ БЛАГОДЕТЕЛИ – САРЫЧ И ВОРОНА».**

Н. К. Р-х
18 18/1 92

Странные книжки появляются в наших столицах, совершенно не соответствующие своей цели. Книги дидактические и научные имеют цель раскрыть какую-нибудь истину или объяснить какой-нибудь факт, а между тем, книжка, о которой я хочу сказать несколько слов, не только ничего не выясняет и объясняет, но даже извращает и запутывает предмет своего содержания.

Да, впрочем, неужели автор полагает, что у русского мужика нет своего убеждения и что он, прочитав его книжку, так и поверит ему, нет и тысячу раз нет! У мужика уже крепко сложилось мнение о воронах, как о хищниках, которые приносят ему вред, а уж что раз мужик задумал, то, по словам почтенного поэта Некрасова, трудно выбить у него из головы, особенно такими запутанными и несостоятельными доводами, как этого старается достигнуть автор, тут необходимо действовать ясными, не поддающимися критике доводами.

Если бы эта книжка была бы обращена к интеллигентному классу, то конечно, сейчас бы нашлись люди, которые бы опровергли её, да вообще, её никто бы не стал читать; но она написана для низшего класса, в котором не может найти опровержения, где встречает лишь внимание, и где некоторые читатели даже дают ей веру, и, может быть, на основании её составляют свои убеждения.^{1X} Вот эту-то книжку я и хочу разобрать и указать все любопытные места, встречающиеся в этой книжке.

Называется она «наши благодетели, сарыч и ворона», имени автора, предусмотрительно, не означено, а указано только то, что она издана под редакцией журнала «Русское богатство»; это для меня составляет тоже неразрешимую задачу, каким образом такой почтенный журнал мог редактировать и пропустить столь любопытную книжку.

Я сперва собирался процитировать вначале все интересные места подробно, но потом пришлось отказаться от этой мысли, так как пришлось бы списать около трети всей книги, и тем бесполезно растягивать; так что придётся разбирать отдельно каждый пункт:

1. Вы открываете книгу и на первом листе под заглавием видите следующую замечательную фразу: Сарыч, он же канюк, копчик? скопа?» (sic). Надо заметить, что знаки вопроса поставлены не мной в тексте; (это, вероятно, или сам автор удивился [написавши подобную чушь] и обратился за размышлением этого вопроса к читателям, или же наборщик, счёл нужным обратить внимание читателей на эти места. Ведь это всё равно, что сказать: «гончая, она же сеттер, такса.

Конечно, всё это будут собаки, и даже все охотничьи, но далеко не одно и то же, даже не похожие друг на друга по внешности. То же самое написал и автор, благодетельствовавший вороне, так как все названные им птицы суть хищные, но далеко не одно и то же, различающиеся не только по нравам и образу жизни, но даже по оперению и по росту. О канюке я ничего не говорю, так как канюк составляет отдельный вид сарычей, которые разделяются на каню-

^{1 X} Эта замечательная книжка появилась уже в 1886 году, но так как только недавно попала ко мне в руки, то я и был лишен возможности более своевременно указать автору все его заблуждения. (Примеч. Н. Рериха)

ков (*B. lagopus*) и сарней (*B. vulgaris*), но что нашёл автор общего между сарычем канюком (*Bubo lagopus*), копчиком (*Falco Vespertinus*) и скопою (*Pandion haliaetus*) я, право, не знаю, они ведь принадлежат к совершенно личным разным родам: канюк относится к роду сарычей *Buteo nidae*, копчик к роду пустелег или неблагоприятных соколов *Falconidae* и скопа к роду [скоп] *Pandion*. Страннее всего то, что автор, как взял перо в руки, написал заглавие, так и ляпнул чепуху, ну хоть бы для начала постыдился писать такую чушь, чтобы не отбивать охоты читать всё последующее.

2. Автор говорит, что «сарыч живёт, начиная от Московской губернии и дальше на полдень» (sic), (ст. 1) Интересно было бы знать, откуда автор почерпнул столь точные известия, чтобы Московская губерния служила пределом северного распространения сарычей; я, например, прекрасно знаю, что сарычи водятся и в Петербургской губернии и даже гораздо севернее, о том же свидетельствует и зоология Иверсена ^{2*}, составленная на основании самых верных источников, как например Брем, Лейнис, Кесслер, Богданов и друг. Она говорит, что сарычи живут «почти по всей Европе, западной Азии и в северной Африке». (О Московской губернии, значит, нигде не упоминается также), также Симашко и Гримм. Вот такими глупостями начинает автор свою книгу. Затем идёт описание жизни сарычей, списанные почти за небольшими изменениями с известных учебников зоологии и потому без ошибок. Хоть и здесь автор хотел прибавить кое-что от себя и тоже напутал. Но затем по окончании описания жизни сарыча автор ополчается на защиту ворон и приводит в их защиту целый ряд неосновательных глупостей.

Он пишет (стр. 23): «3. Ворона – птица умная, дружная. Зверька побольше ей обидеть не под силу; она мышей ест, да червей». Чтобы разубедиться в своих словах, автору не мешало бы заглянуть в такие почтенные издания, как, например, «Природа и Охота», или «Охотничья газета». А там он нашёл бы много прекрасных описаний, нападения ворон на зайцев (см. *Охот. газ. за 1891 г. стран. 342, 95, 600*), которые, кажется, немного побольше её ростом. При этом ворона обнаруживает много ума, так как, когда ей приходится иметь дело с более сильным существом, то она сперва выклёвывает ему глаза и потом уже приканчивает его, обыкновенно на подмогу, призывая своих сородичей.

Более об этом пункте я не распространяюсь, из приведённого примера ясно, что ворона не стесняется силою и ростом своего противника, да вообще, я не буду много распространяться, а буду только указывать любопытные места, и также, в чём именно заключается ошибка автора.

4. «Убивать ворон - настоящее преступление (sic)... смерть каждой вороны приносит большой вред сельскому хозяйству и лесоводству». Справедливость своих слов автор доказывает только тем, что вороны мышей потребляют, не упоминая ни единым звуком о том, сколько полезных птиц истребят вороны и сколько яиц они уничтожат. Автор говорит, что вороны «ходят за пахарем и из-под сохи клюют червей», но он совершенно забывает, что вороны, также и не брезгают семенами; а также он забывает, что ворона съест червя, полетит да уничтожит гнездо таких безусловных птичек как славки, чекканы и т.п. в гнезде их бывает штук 6 или 7, а это ещё вопрос, кто больше уничтожит червей и вредных насекомых ворона и 7 птиц, пища которых состоит исключительно из червей и насекомых.

^{2*} Для краткости предваряю, что все ссылки я буду делать на зоологию Иверсена, как составленную по всем более известным зоологиям. (Примечание Н.К. Рериха)

5. «Правда, вороны обижают иногда цыплят в деревнях, да это изъян небольшой, и надо только повесить мёртвую ворону на палку, они и отстанут» (ст. 28). Это и всё что упоминает автор из вреда наносимого воронами, и то, по его словам, одна мёртвая ворона защищает дворовых птиц от своих сородичей. О несостоятельности этого средства говорит сама практика, ибо мёртвая ворона удерживает разбойничьи инстинкты товарищей только дня на 3, на 4 не больше.

Сколько случаев я знаю, где, несмотря на повешенных родичей, ворона преисправно истребляет целые выводки уток и кур. Да потом, это средство автор рекомендует в защиту дворовых птиц, а чем же он прикажет защищаться беззащитным в этом отношении тетеревам, куропаткам и другим полезным птицам. А чтобы увериться в том, что вороны варварски истребляют этих птиц, автору опять-таки только стоит заглянуть на страницы вышеупомянутых мною журналов.

Чтобы показать вред и пользу, наносимые воронами, я процитирую место из зоологии: «истреблением вредных насекомых... мышей, сусликов, хомяков и падали - эти птицы оказывают нам значительные услуги; но разоряя гнёзда мелких птичек, уничтожая всходы и семена культурных растений, а также плоды, своим обыкновением воровать и таскать в гнездо всё блестящее, наконец, обламыванием молодых древесных побегов во время постройки гнезда и засорением садов помётом, они могут приносить и вред».

К сожалению надо заметить, что в зоологии упомянут более несущественный вред, и этим ступёван главный вред, наносимый воронами. В пользу вороны сказано, что они истребляют зверей, обитающих в степях юга, и истребление падали, что также важно более на юге. То есть, другими словами, зоология говорит, что вороны полезны только на юге, что нисколько не исключает их вредности на севере, так как автор, вероятно, не будет отрицать, как случилось в описании сарыча, что вороны водятся повсеместно.

Из всего мною сказанного можно видеть несостоятельность автора, «убивать ворон - настоящее преступление», и что польза, приносимая воронами, не может равняться, не говоря уже превзойти вред, наносимый этими птицами, а потому нельзя давать им пощады. Конечно, автор может любить ворон и может иметь своё личное мнение о воронах, ведь *de gustibus non disputandum est* [о вкусах не спорят (лат.) – ред.], но к чему же навязывать такое исключительное и своеобразное утверждение всему обществу и народу.

6. Затем автор говорит, что люди закаялись бить ворон и приводит пример о том, что в Англии не бьют грачей. Было бы весьма желательно, чтобы многоуважаемый автор не смешивал этих двух тоже различных птиц, так как грач это *corvus frugilegus*, а под именем вороны подразумевается *corvus cornix*. Грач - это птица, заслуживающая пощады, а ворона - это вредная птица. Вообще, у автора замечается, что в этих местах, где у него иссякает его источник красноречия в пользу вороны, там он вдруг перескакивает, без последовательности берёт в долг в пользу других птиц грачей и галок, ловко маскируя это под общим названием ворон, т.е. всего семейства, так как эти птицы все одного семейства. Но опять-таки их не следует смешивать, хотя в настоящем случае это немного извинительно автору, ведь он старается выгородить своё протезе - ворону. Как истинный защитник, как Цицерон, не стесняется для этого какими-то ни было средствами.

7. Интересно место, где говорится о том, что «галки и мух и комаров собирают со спины коров да лошадей (sic) – скоту облегченье» (ст. 32). Это действительно упоминается в зоологиях, но, к крайнему огорчению, не о галке, а о козодое полунощнике (*caprimulgus europaeus*), а за галкой таких художеств не водится, и если автор может доказать это на опыте, то он этим сделает большое открытие по орнитологии. Ведь это целый сюжет для картины. Вообразите себе нежную идиллию: под тенью деревьев сидит пастушеская чета, кругом мирно расположилось стадо, овцы и коровы, и вдруг по спинам коров торжественно и важно разгуливают, вы скажете: «слепни и мухи», нет, не думайте – разгуливают - галки, прилежно собирая мух, усеявших спины животных; ведь за такую картину можно признать художника больше чем фантазёром. Этот факт весьма редкий. Автор ставит наряду с главными доказательствами полезности галок.

8. Что под словом ворона автор полагает *corvus corax*, то это видно из места, где говорится, что галка «уживается в дружбе со своей сестрой и с воронами». Значит, под вороной не полагается целое семейство, а один только вид, это стоит за моё предположение, высказанное в предыдущем пункте 6, где говорю, что автор для защиты вороны заимствует пользу также от других птиц. Оканчивает автор своё повествование религиозной фразой, что вороны, галки и грачи даны нам на пользу Богом. Таким образом, он начинает книгу смешением различных вредных и полезных птиц и оканчивает книгу этим же. Верно, уж очень он любит всё обобщать, ещё слава Богу, что он не обобщил сарыча и ворону, не написал - *сарыч он же ворона* - или ещё что-нибудь в этом духе.

Как-то грустно делается, прочитав подобную книжку, написанную для народа, точно народ не пользуется одинаковым правом с интеллигентным классом читать верные факты и объяснения к ним. Ведь что подумает мужик, услышав такую фразу, что «сарыч, он же копчик и скопа»; он подумает, что одна птица, вероятно, носит 3 названия, верно, в разных местах и в его голове составится каша. Положим от этого, что будет знать, кто такой копчик и кто такой скопа, он ничего не выиграет, и если не будет знать этого, то тоже от него ничего не убудет, но всё же, если раз уже задаться мыслью, проводить в народ полезные знания, то уж их надо, во-первых, проводить верные; во-вторых, излагать их ясно, а не запутывать и придавать двусмысленное значение, к чему прибегает автор для доказательства некоторых своих воззрений и убеждений. [Об училищах³]

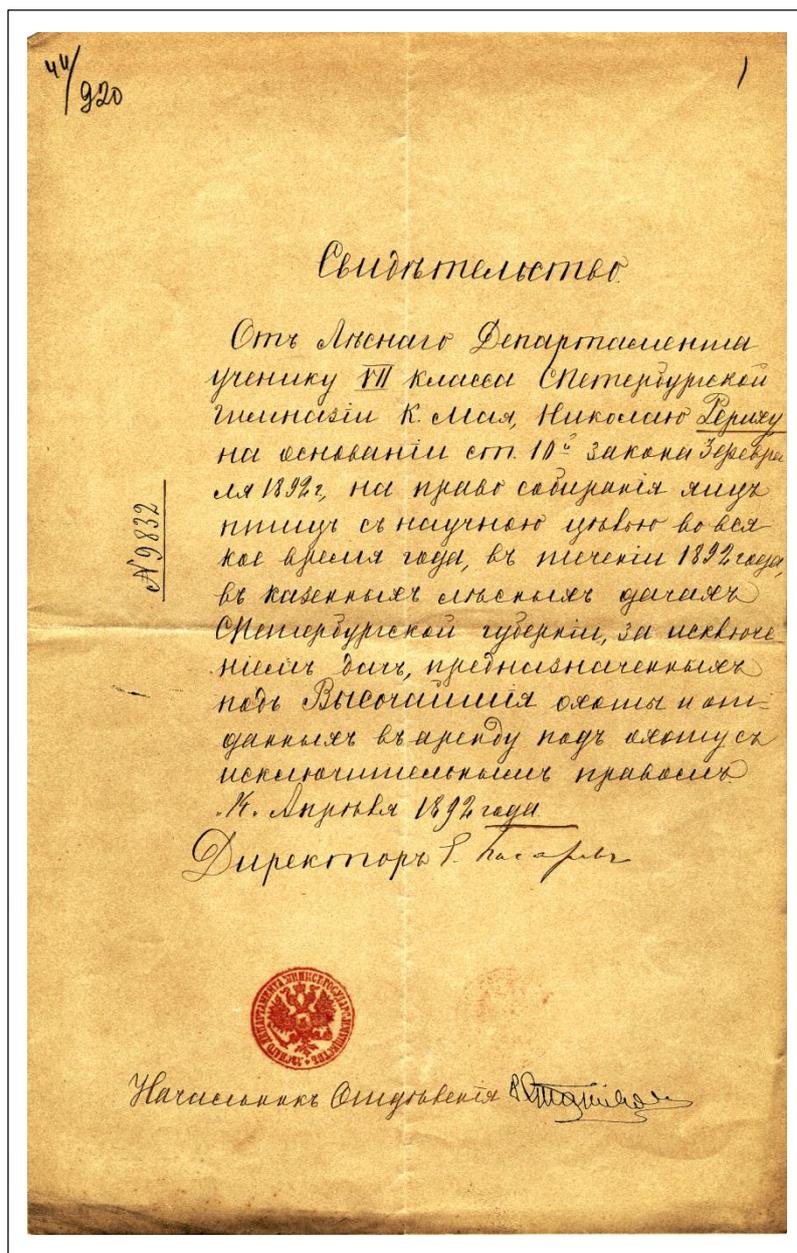
Да, пусть будет стыд автору, который старается ввести в народ такие ложные мнения, а ещё более стыдно пусть будет ему перед специалистами. Впрочем, автор человек предусмотрительный, вероятно, не доверяя своим доказательствам, при разборе таких новостей в области орнитологии, он покрыл своё имя мраком неизвестности. Со своей стороны, я хотел только предупредить общество в отношении его книги и указать автору, что всяким допущениям и обобщениям бывает предел, переступить который нельзя; я говорил на основании практики о зоологии и периодических изданий, и каждое моё слово могу доказать более точными и пространными аргументами. *Facis quivol polni, faciant meliora potentes* (А я только могу сказать)... [Я сделал, что мог; пусть, кто может, сделает лучше. (лат.) – ред.]

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/87, лл. 1-8.

³ Пометка автора карандашом - ред.

14 Апреля 1892 г.

Свидетельство Лесного департамента, выданное Рериху Н.К.

«Свидетельство

От Лесного Департамента ученику VII класса Санкт-Петербургской гимназии К. Мая, Николаю Рериху, на основании статьи 10 закона 3 февраля 1892 г., на право собиранія яиц с научной целью во всякое время года в течение 1892 г. в казённых лесных дачах Санкт-Петербургской губернии»

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/920, 1 л.

XX. Тяга

Этюд Н.К. Рериха

Конец Апреля. Часов 7 вечера. Далеко растянулась перед охотниками просека, уставленная сплошной стеной оголённых деревьев. Не шумит лес, неподвижно стоит он - задумался словно. Солнце ярко освещает старые стволы осины и ольх и блестит на берёзах. Небо чисто; кое-где около горизонта разбросаны лёгкие облачка. Чем ближе к закату, тем разнообразнее и фантастичнее становятся переливы цветов на небе; с одной стороны, оно уже принимает -тёмно-синий ночной оттенок, а в то же время, с другой, блестит всеми цветами радуги.

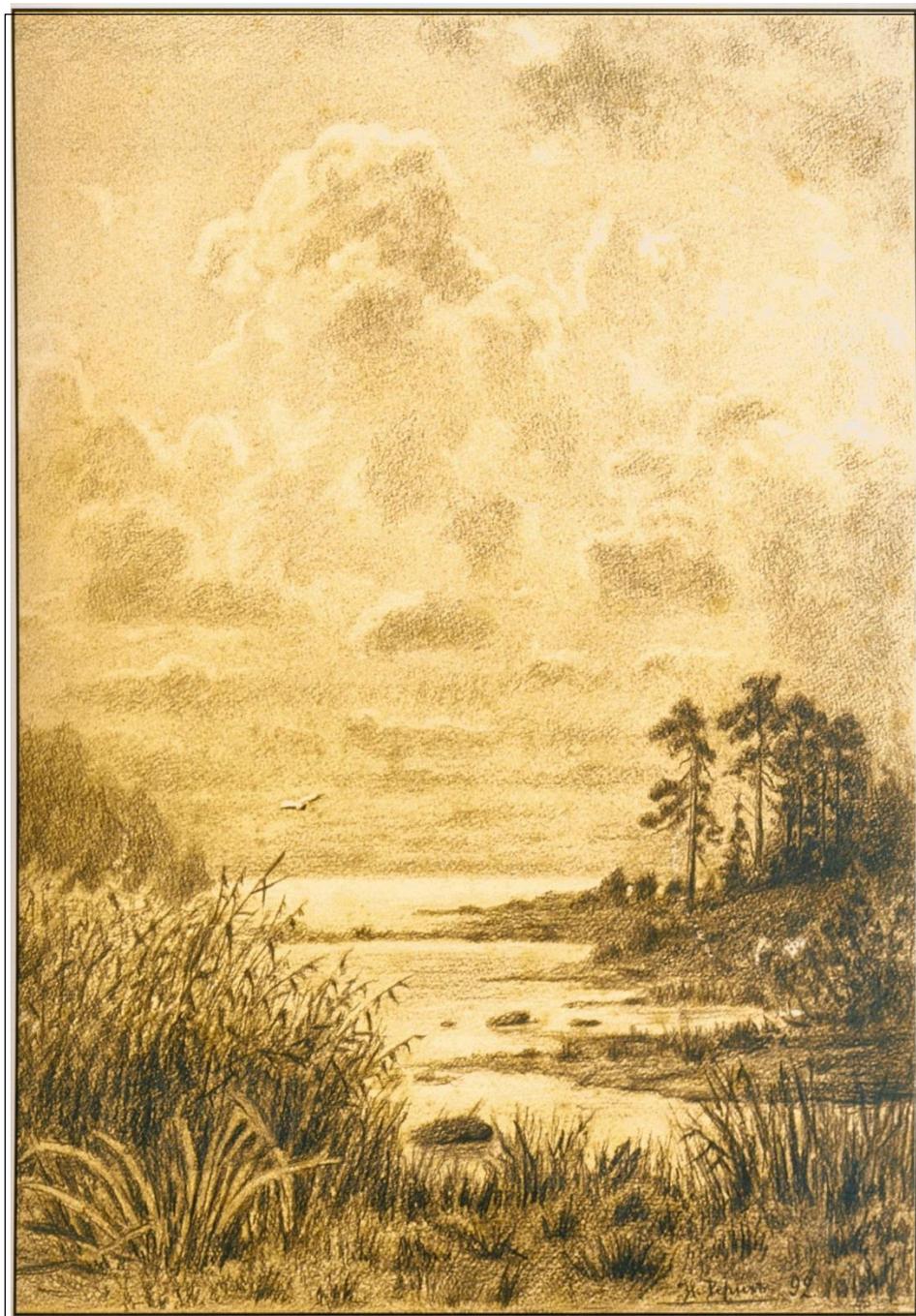
Земля представляет серую массу; мох желтоватый, гнилые листья и ветки, всё в беспорядке набросано. Лишь кое-где, среди этого общего серо-грязного (цвета), [колорита] мелькает странное светлое пятно лазоревого или розоватого цвета - невольно обращаете на него внимание - это в лужице отражается небо. Луж много. Снег почти весь исчез, только изредка в укромном местечке можно увидеть жалкие остатки его, грязные, точно червями подточенные. Скрылся, растаял снег - и наполнил все ямки водою. Подвигаетесь дальше.

Скоро подошли к реке. Не шелохнётся водная поверхность, словно застыла вода. Деревья словно вниз и вверх выросли; точно в зеркале отразились в воде яркие краски неба и корявые стволы деревьев, и, прибрежные, покрытые прошлогодней травой кочки. Даже для незаметной веточки, для тощей травинки и для той нашлось местечко в отражении.

Пусть товарищи ваши идут дальше подыскивать места для стоянки на тяге, а вы останьтесь на просеке у реки. Перед вами осиновая редкая гривка, по ней наверно полетит вальдшнеп. В отдалении замолкли шаги и говор охотников - вы остались одни. Теперь устройтесь поудобнее, приготовьте ружьё и ждите вальдшнепа. Смотрите и слушайте.

Вон перед вами молодой осиновый лес, берёзка только кое-где мелькает своим белым стволом, да изредка мрачным пятном сереет ёлка; позади молодая ольховая заросль. Как красива эта бесформенная серая масса кустов. Сколько привлекательности и оригинальности в странном рисунке перекрестившихся [сплетших верх. концы] веток, пеньков и стволов. Что-то таинственное скрыто за этой непроницаемой завесой. Всматриваясь в кусты, так и хочется раздвинуть эти голые ветки, заглянуть в середину чащи. Безжизненная, необитаемая на первый взгляд, она вся кипит жизнью, если всматриваться (в неё). От муравья до зайца, от мошки до тетерева - всё находит в ней уют. Какой интересный рассказ вышел бы, если бы чаща эта рассказала все драмы, свидетелем чему ей пришлось [довелось] быть.

За лесом стучит телега и звонко разносится понуканье. Вы прислушиваетесь - ничто не ускользает от вашего слуха и, чем больше вслушиваетесь, тем более различных звуков слышится. Словно перешептывается весь лес - это талая вода, журча сбегает в ложбинку.

Просторы Ладожского озера. 1892. Копия с картины И. Шишкина.
Бумага, карандаш. 47,1 x 34,4 см. Справа внизу подпись и дата: **Н. Рерихъ 92**

Где то, Бог знает как далеко, гудит выпь и эти резкие вопли, стена и звеня, разносятся по воздуху; вот, будто замолк совсем – нет, всё ещё звенит; словно перекликается, аукается с кем-то. Мошка ли пролетит, перепорхнёт ли птичка, мышь ли зашуршит в (прошлогодней траве), всё заставляет вас обратить внимание - прислушаться.

Все звуки выступают и сливаются в одну гармонию. Незатейливая песенка зяблика, вечернее токованье тетерева и звонкий, как труба, крик журавля, чуть видного в поднебесье. Если ещё порою донесётся благовест ко всеобщей в ближайшем селе, так лучше этой гармонии и не придумаешь. Всё это захватывает вас, поглощает всё ваше существо, так что вы забываете, что вы, где вы, и готовы без конца стоять неподвижно, не переводя дыхания, словно боясь пропустить хоть один звук этой чудной мелодии.

Между тем, солнце спустилось за вершины деревьев, в лесу померкли яркие краски, только кое-где ещё на вершине высокой осины мелькает луч, ясно на потемневшем небе рисуется этот ствол. Туман лёгкой дымкой начал подыматься над землёю, поднялся немного и, точно пологом, разостлался - земля приготовилась ко сну.

Заметно посвежело, воздух свежий, сыроватый, приятно гладит, словно дотрагивается до щёк ваших; им нельзя дышать, его надо нюхать, надо втягивать в себя весь аромат, которым полон воздух весною. Хорошо, прелесть как хорошо...

Вдруг в конце просека громыхнул выстрел - вы точно от сна пробудились и ждёте: не раздастся ли желанное посвистыванье и хрипенье. Не успели опомниться, а уж один вальдшнеп пронёсся недалеко от вас через <гравку>. За ним потянули и другие; по просеку весело защёлкали выстрелы. Сзади вас будто хоркнул вальдшнеп. Кажется он ещё очень далеко. Но не верьте этому - он близко. Не успеете оглянуться, а уж он плавно несётся над вами, презирая все опасности. Вот один несётся по просеку; на целую четверть захватываете перед ним. Гулко грянул выстрел - и лесной красавец, свернувшись в комок бессильно валится на землю. Эти пёстрые птички [Эти лесные чародеи] приковали на себя всё ваше вниманье. Время незаметно летит. Вальдшнепов уже плохо видно и только своим характерным криком они выдают себя.

По просеку начали мелькать силуэты - это охотники собираются домой. Друг за другом пробираются охотники. Идти темно, то и дело всплескивает вода в лужах. В лесу мрачно и черно; массы кустов будто шевелятся, а белые подснежники, как глазки блестят среди серой травы.

Скоро уж и лес кончается. Что это, будто светлее стало? Начинаете оглядываться и замечаете луну, подымающуюся из-за леса. Сперва свет зари спорил с лунным, но луна одержала верх - и заря спешит уйти с неба. Хотя совсем она не потухнет; и среди ночи можно видеть, что на севере немного небо светлее. Лес кончился, осталось перейти только через поле. Вероятно, уже около 10 часов. Луна поднялась довольно высоко и заливают всё ярким блеском. Воздух будто напитан чем-то голубым. Мягко выделяются все силуэты. Поле, покрытое прошлогодней травой, кажется совершенно белым. На дороге ложатся черные тени.

Эти быстрые перемены картин, то вечер со всеми яркими красками заката, то ночь с нежным светом луны сильно действуют на человека, заставляют забывать об обыденной жизни с её дрязгами и грязью, заставляют возвышаться мыслями, жить одними этими минутами. Как успокаивает человека тишина

ночи, среди которой явственно слышится малейший звук. Ночью, уж не знаю почему, самые обыкновенные, даже [если хотите] неприятные звуки, делают-ся как-то гармоничнее и приятнее: вслушайтесь, например, в отдалённый стук поезда, послушайте ночью лай собаки или ржанье лошади. А весенней ночью, когда идёт пролет птиц, иной раз слышится над головою лёгкое мелодичное посвистыванье, щебетанье или курлыканье. Нежно посвистывая, летят стайки турухтанчиков, покрякивая, свистят крыльями утки, как-то курлыкают все эти нырцы, нырки, <челиги>, гагары, <крас...>, и по временам все голоса заглушает грубое гуденье гусей. Словно перешептывается весь лес - это талая вода, журча, сбегает в ложбинки.

[С каким приятным чувством приходите домой с тяги! Эти охоты вырывают вас из жизни, она не даёт падать духом, на них набираетесь силы и бодрости...

Одним только нехороша тяга, что, кто раз побывает на ней, так потом весною не усидит в городе. Как вспомните под вечер, что теперь вальдшнепы тянут, солнце садится, птички поют, да оглянетесь на 4 стены - так тяжело, невыносимо становится, точно камень на сердце лежит, заболит оно, защемит его - нигде покою не находишь. Выйдешь на улицу, а кругом кипит жизнь, стук и грохот, нельзя успокоиться. Потянете воздух в себя, стараешься в городском воздухе найти хоть малейшее сходство с весенним лесным, да нет, никакого сходства нету. Слезы горло сжимают. Ещё тяжелее станет.

Эх, тяга, тяга! Кто раз увидел тебя, тот уж никогда не забудет, ни на что не променяет хоть один вечер в лесу весною.

(1892 г.) С. Петербург.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/4, л. 2,3.

Н. Рерих. Голова утки. 1890-е.
(ч/б изображение)

[1892 г.]

ДАВНО. БЫЛЬЕМ ПОРОСЛО.

Дорога шла по мягкому торфяному грунту; деревья, сломленные старостью и непогодой, своими поблѣкшими вершинами или полусгнившими комьями, пересекали мой путь. Слово безобразные чудища, по сторонам торчали почерневшие выворотни и буреломы. Мрачные грозовые тучи, вместе с наступающими сумерками, быстро застлали всё буроватой, непроницаемой мглой.

Положение моего лёгкого тарантасика, а в частности, и моё, было не особенно приятное. К счастью, возница мой, Селифон, и тут отличился предусмотрительностью – под козлами, вместе с овсяною торбой, оказался и фонарь, который и был тотчас же укреплен на передке. Тяжело шлёпал Красавчик мощными копытами по бесконечной луже. Тарантас всё так же, по старому, продолжал метаться из стороны в сторону, но теперь, при свете фонаря, можно было различить, отчего произошёл толчок, от камня или от коряги. Где-то вдали гремело, слабая молния иногда пробивалась сквозь хвойную чащу. Точно длинные руки, выделялись на тёмном фоне еловые ветки, освещённые фонарём, и красиво было, когда, при блеске молнии, вместо тёмного глухого фона, глубь чащи озарялась фосфоричным голубоватым блеском, по которому тёмным узором рисовались переплывшиеся, только что перед тем освещённые фонарем, передние ветки. Зловеще, глухо загудел по хвое ветер и встряхнулся, как-то крякнув, лес, словно приготавливаясь к [наступающей непогоде].

[оторвана часть листа]

...укоризненно отозвался с козел Селифон, давно обижавшийся на меня за лишние для него хлопоты, зачем, де, меня понесло на такую погоду, глядя, Бог весть куда, за целые 20 верст, киселя хлебать – поохотиться, точно дома птиц нету. Гроза ночью, да ещё при такой адской дороге, произвела на меня неприятное впечатление и заставила пожалеть об уютной комнате.

- Долго ещё до погоста-то? – спросил я у Селифона.

- А уж не ворочиться назад, коли самую вязкую мшагу проехали, а ещё не близко-не далеко, почитай, вёрст 7 будет, да ещё, пожалуй, и Чёренг теперича разлился – как тут поедешь? – запугивал грозный возница, полуоборачивая ко мне разгневанное чело своё, почти до самых глаз заросшее курчавой седой бородой.

- Так как же быть, братец? – Селифон обрадовался, что, наконец, заставил таки меня обратиться к его авторитету, и успокоил, что он свернёт по Рябушинской тропке, и там по-за самой Нефёдиной пожной будет Крылов двор, где теперь столовер с Ветки сидит, – там и заночуем, туда недалече.

Скоро, Бог знает, каким чутьём разыскал он Рябушенскую тропку, и сравнительно скоро перед нами радушно блеснул фонарь Крылова двора и нерадушно залились лаем дворняги. Удар кнута по оконнице заставил дверь открыться и на пороге появился с лампой в руках, по-видимому, весьма почтенный старец, наружности которого я ближе рассмотрел в избе.

Не дожидаясь приглашения, я соскочил с тарантаса и поднялся на крылечко. Старик внимательно осмотрел меня и, вяло спросив: "Проезжий?", - на мой утвердительный жест пропустил в сени. Лампа в руках старика бросила отблеск вглубь сеней и осветила какие-то кадки, веники, щенца, жалобно по-

визгивавшего в углу и здоровенную бабу, с бесцеремонно подоткнутым подолом, раздувавшую, что было мочи, огромный самовар.

Хозяин распахнул небольшую дверку и, переправившись через высокий порог, преклонив голову, (чтобы не удариться о косяк), мы очутились в избе. Из Красного угла сурово мрачно глянули на меня глазные блики, ярко горевшие на чёрных иконах. На одних лица совсем уже исчезли, и только остаток надписей свидетельствовал, что это были не простые доски, а на других ещё можно было с трудом различить какие-то суровые лики. Около икон висели полотенца и теплилось несколько лампад различной величины, средние иконы были красиво убраны свежими цветами.

Около обтёсанных, чистых стен шли широкие лавки, в простенках между маленькими оконцами висело изображение Страшного суда и ещё какие-то картинки. Часть избы отделялась ситцевой чистой (что меня очень приятно поразило) занавеской, за которой кто-то шевелился и шушукался, верно, критикуя меня. Пол, белая печь, блином расплывшаяся на четверть избы, стол и всё, до последнего горшка на полке у дверей и веника в углу, поражало опрятностью. Воздух был пропитан запахом сосны и деревянного масла. Переходя за этот порог, сразу, словно освобождался от дум и забот, - от всего веяло таким миром и тишиной.

Хозяин, стоя в избе, отдал приказание работнику поставить лошадь, ответи моего кучера на чёрную половину, поторопиться самоваром и потом чинно опустился на скамью супротив меня. Сивые волосы его были смочены, должно быть, маслом и раздвоенные по середине пробором, падали на лоб влажными косицами; окладистая белая борода и добродушные усы, совершенно закрывали рот, вились и разбегались множеством локонов; брови были темнее прочих волос и сурово торчали отдельными кустиками, придавая, по временам, ласковым глазам негрозное выражение. Глаза, когда-то, должно быть, большие и тёмные, теперь выцвели и сузились, окружённые множеством самых затейливых морщинок; щёки были довольно полные и даже слегка лоснились. Посреди этого лица так и хотелось увидеть зарумянившийся нос картофелиной, но вместо картофелины у хозяина нос был прямой, и сообщал строгость всему лицу.

Глядя на него, мне невольно представилось, как могут измениться эти сотни ласковых морщинок во время гнева, и как ещё могут сверкнуть эти бесцветные, старческие глаза. Старик обстоятельно расспросил, откуда я и куда, давно ли был в городе, и потом пристально глядя, спросил:

- А табак куришь?

Мой отрицательный ответ очень его обрадовал.

- Дело, дело, то-то я сразу услышал, что не пахнет от тебя зельем антихристовым; а уж кабы курил, так не прогневайся, не дал бы я тут тебе сидеть – вот, в чёрной избе я и курящих принимаю. А вино пьешь?

-Нет.

- И это дельно. Хотя вино и допустимо в ином разе, этак при болезни, примерно, но всё же лучше без него. Скорее и тело успокоится и душа исцелится.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/53, лл. 15, 15 об., 16, 16 об.

12 мая 1892 г.

Письмо Скалона А.В. к Рериху Н.К.

Адрес с 30-го или с 28-го Мая:

Финл. ж. д. Ст. Перкярви д. Сент Иллер

18 12/5 92

Спешу писать Тебе, милый друг. Это несколько дней не было ни минуты времени и ни минуты покоя. Но зато теперь старанья мои увеличиваются успехом. Вот плоды экзаменов (Никогда наш класс так не позорился):

	Лат.	Англ.	<Тригон.>	
Парл[анд].4 35 4 ½ 5 (?)	
Боговск[ой]. 4 5 5 4 4 (?)	
Петраш[ень].	... 3 2 ½ 2 3 2 (?)	
Скал[лон].	... 4 2 ½ (3 ½)	... 3 3(3 или 2 ½) ?	Итого на класс: 12 двоек А Петрашень?!
Шпер[газе]. 2 2 2 3 2	
Умн[ов]. (1.) 2 2 2 2 ½ 2	
Цендлер 3 ½ 3 4 4 4 или 3) ?	
			Еще не поср.	

Работать придется за двоих, но Мордалов категорически заявил, что по его мнению я в VIII классе? Теперь только бы выдержать Греческий устный экзамен: говорят, у меня плохая работа (не говорю уже про Умнова и Шп.) Сегодня у нас Французский экзамен в 1 час дня. Страшно боюсь! Можешь себе вообразить, как мы все трепещем. Охо!!!

В следующий понедельник и вторник – Физика и Греческий. Молись за меня! Вообще, мои паруса ещё выдерживают напоры ветра: не знаю, как будет дальше.

[рисунок: море, три парусника (один полузатонувший) и образ дующего ветра]

Уровень моря: Скалон, Шпергазе, Умнов

Ну, что Тебе сказать о наших новостях. Ну, Мадам Кракау умерла (царство ей небесное). Васька и грустен и зол; Семёнов как в чаду; <Ми...> зол; Морданов очень мил и т. д. Затем констатирую факт, что князь папа <Паяр> ходит всё более один, и его пророчества уже не имеют вещей силы. А мягкость обращения порой <конфекта> и ещё чем-то умягчаю душу Парланда. Боговский целый день толковал мне Лигария алгебру, так любезен он никогда не был. Ну, теперь <беседы> о Тебе. <Кол...> так успел настроить всех, что к <кол> я не обращаюсь с речью о Тебе, все с полу-усмешкой говорят: «Да, да ведь он ничего не делает. И иногда князь папа <...>: И около учителей вертелся». Постепенно на мои убеждения сдаются Парланд и Цендлер, с которым я гуляю подолгу и философствую, разбирая наш класс по косточкам. Он во всём согласен, ибо многих с Нами общих мнений. Умнов единогласно признан Дурой. Я мягко всех в этом убеждаю. Кроме того, злым дураком. Ну, прощай. Буду писать Тебе обо всём. Пиши, не забывай преданного Тебе всей душой

АС

P.S. В VIII классе готовятся <провал...!>

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1294, 2 л.

АРХЕОЛОГИЯ

«Самые первые мои курганные находки не только совпадали с любимыми уроками истории, но в воспоминаниях близко лежат и к географии и к гоголевской исторической фантастике.

Много очарования было в непосредственном прикосновении к предметам большой древности. Много непередаваемой словами прелести заключалось в бронзовых позеленелых браслетах, фибулах, перстнях, в заржавелых мечах и боевых топорах, полных трепета веков давних. Около курганов сплетались старинные легенды. ночью там проходить страшились. увлекательно молчали курганные поля, обугрившиеся сотнями насыпей. (Н.К. Рерих, «Листы дневника», 1935 г.)

РАСКОПКА 1. ВЕЩИ В ГИМНАЗИИ МАЯ.

3 Августа 1892

Курганы находятся между селом Грызовом и деревней Озертицы Царскосельского уезда СПб. губ. Около нескольких растёт в изобилии орешникещё довольно молодой. Покойники засыпаны землею с камнями, иногда даже довольно большими. В головах и в ногах на поверхности земли положено почти во всех по большому камню, что даёт возможность приблизительно определить положение тел. Все тела положены лицом к Востоку, лёжа; в одном кургане руки были положены по бокам, в другом сложены на груди, одна повыше, другая пониже. Земли насыпано над земною поверхностью от ½ до 1½ арш. Тела под поверхностью земли на ½ до 1 арш. глубиною. В низких местах кости уже стали мягкими и рассыпаются, а в сухих местах сохранились хорошо. В первом курганчике, расположенном в низине, нашли только запястье № 1. Потом раскапывали курган, находящийся на пригорке, покрытый орешником, и нашли запястья № 2 и № 3; череп № 4; пряжку (на груди) № 5; колечко № 6; камешек на шее № 7; серьги № 8; запястья были одеты около кисти рук. Скелет был совершенно цельный и хорошо сохранившийся.

Запястье № 2 было на правой, № 3 - на левой руке.

Раскопка II в 1893, вещи в гимназии К. Мая
в 1894 по открытому листу...

- 1 – запястье
- 2 череп
- 3 запястье лев.
- 4 запястье пр.
5. пряжка
6. серьги
- 7 колечко
8. камешек
9. бусы отдельн.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/48, л. 39.

14 июля 1892 г.

Письмо В. А. Кракау к Рериху Н.К.

ГИМНАЗИЯ И РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ К. МАЯ

С.-Петербург
14-го Июля 1892 г.

По Новой Истории, последнее, что было пройдено это: «Тридцатилетняя война. Английская революция».

Очень жаль, что все ещё чувствуете себя лишь почти совсем хорошо, надо совсем, совсем хорошо чувствовать.

Что верхом ездите, дрова пилите и в городки играете, то это меня очень радует, это Вам непременно и зимой *mutatis mutandis* делать надо будет. Передайте поклон мой отцу и матери Вашей.

В. Кракау

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/873, 1 л.

6 августа 1892 г.

Письмо В.А. Кракау к Рериху Н. К.

6 Авг. 92.

Любезный
Николай Константинович.

Начало занятий отложено по распоряжению Начальства, ввиду холеры до 10-го Сентября, так что Вам для занятий прибавляется ещё лишних 10 дней. Быть может, занятия будут ещё отложены до 15 Сент., как в ведомстве Импер[атрицы] Марии, но это ещё лишь «может быть».

Надеюсь, что теперь явитесь в Гимназию совсем молодцом. Физический труд важен и тем, что поддерживает бодрое расположение духа, энергию и предприимчивость, которые так часто страдают от <кабинетного> труда. Поэтому моё “*ceterum seuseo*” по отношению к Вам уменьшит время занятий, ввиду нового срока в 10 дней.

За всякие коллекции буду весьма благодарен. При раскопке курганов важно отличать как внешний вид и приблизительные размеры курганов, так и место, размеры и вид могилы, положение трупа и находимых вещей. Интересно, суть ли эти курганы - памятники исторического времени или доисторического.

Поклон мой отцу и матери Вашей

В. Кракау

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/874, 1 л.